

в младшей редакции вернее всего объясняется тем, что в руках редактора был список старшей редакции, в четверку, без последнего листа.

Следует особо оговорить еще одну особенность младшей редакции. Известное место об избавителе Константинополя от турок в одних списках этой редакции читается так же, как и в старшей редакции: „Русии же род“ и пр.; в других же: „Руский же род“. Даже лучшие старшие списки в этом месте дают разные чтения. Так, в Хронографе и в Воскресенской летописи: „Руский же род“; в Никоновской: „Русии же род“. Так же разноречивы в этом отношении и списки „Истории“ в различного рода сборниках. Вывод в данном случае может быть только один: редактор младшей редакции оставил это место без изменения. Чтение „Руский же род“ — это особенность отдельных списков, а не редакции, это домысел переписчиков. Многие списки просто сохраняют правку „Русии“ на „Руский“ или „Русийский“.

Сопоставление двух редакций „Истории“ приводит нас к ряду выводов. Оно, во-первых, дает основания для признания редакции, представленной списком Троице-Сергиевой лавры № 773, начала XVI века, старшей редакцией „Истории“, на основе которой путем сознательного сокращения ее текста возникла младшая редакция, получившая широкое распространение потому, что списки ее попали в русский Хронограф и летописи. Сопоставление это, во-вторых, показывает, что „История“ была написана в том составе, в каком она представлена ее старшей редакцией. В тексте этой редакции нет позднейших дополнений и вставок, кроме незначительных вариаций отдельных чтений. Благодаря этому сопоставлению, в-третьих, можно подойти к постановке вопроса о времени создания „Истории“. Если составление младшей редакции, вследствие наличия ее списков в составе дополнительных статей Хронографа 1512 года (которые, по А. Шахматову, были написаны не позже 20-х годов XVI века) и в летописях, может быть отнесено к первым десятилетиям XVI века, то возникновение „Истории“ в первой редакции, более архаичной по своему составу и языку, вряд ли можно вынести за пределы XV века.

III

В русской науке настойчиво повторяется стремление поставить „Историю“ о взятии Царьграда турками в ряд тех произведений, которые разрабатывали теорию „Москвы — третьего Рима“. Особенно категорически эта точка зрения выражена в „Истории русской литературы“. Здесь мы читаем: „Повесть Нестора Искандера в ее русской переработке вошла в круг публицистических и исторических сочинений, которые со второй половины XV века настойчиво развивали теорию „Москвы — третьего Рима“, преемницы павшего Царьграда“.¹ Такое решение вопроса об идейном замысле „Истории“ о взятии Царьграда турками в настоящее время общепризнано.

Следует обратить внимание на то, что для такого решения этого вопроса как будто бы есть некоторые данные в самой „Истории“. В самом деле, Константинополь в ней называется Новым Римом: „И назва град — Новый Рим“ (4). Затем наименование грядущего избавителя Константинополя — „Русии род“, „Русы язык“ в той международной обстановке, которая создалась в XV веке в связи с падением

¹ История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 225.